

Иванов Ип. Читая Хузангая

Первые свои стихи Педер Хузангай опубликовал в 1924 году, семнадцатилетним юношей. Он назвал их «Поэт» и попытался еще тогда определить свой творческий путь. С тех пор вышло более пятидесяти книг народного поэта Чувашии. Перед нами новый сборник – «Были мы, и есть, и будем», изданный к 75-летию поэта. Работники Чувашкнигоиздата преподнесли читателям интересную книгу - каждое стихотворение напечатано на чувашском и русском языках. Составитель сборника, чувствуется, стремился представить наиболее полно хузангаевскую лирику. Но и в данном виде книга дает возможность довольно ясно увидеть основные этапы творческого роста поэта. Эти этапы прослеживаются в разделах «Раннее», «Любимая», «Южные мотивы», «Сиктерме», «Песни Тилли», «Вздыбленные волны».

Хотя становление поэта не всегда точно совпадает с хронологией внешних событий, но связь между ними всегда есть. Любой значительный поэт не может не откликнуться на вопросы своего времени. И выяснение этого представляет немалый интерес как для исследователя, так и для читателя.

Читая Хузангая, тоже замечаешь, что он от ранних, порой несовершенных стихов шел к более зрелым и самобытным, от узкотематических проблем поднимался к более масштабным, общенациональным и межнациональным. Все громче заявляли о себя гражданственность и публицистичность. Об этом приходится говорить потому, что кое-кто у нас привык считать публицистичность чуть ли не антиподом художественности. А сам Хузангай никогда так не считал, он всегда с гордостью говорил: «Я сам - бывший газетчик».

Способность живо откликаться на происходящие события всегда была присуща Хузангаю. Эта особенность его пера ярко проявилась в годы борьбы с фашизмом.

Поэт прошел по дорогам войны тысячи верст. Ему встречались на путях войны и могилы поэтов: Шевченко и Сеспеля на Украине, Мицкевича в Польше, и это не могло не найти отклика в его сердце. Высоким интернациональным чувством проникнуты строки Хузангая, солдата и поэта, посвященные Мицкевичу:

Прими привет бойца, великий
мой собрат!

Твой гневный стих
встает солдатом с нами в ряд
Во имя завтрашней, навек
счастливой Польши.

Всегда и везде чувашский поэт гордо и высоко нес знамя советской поэзии, выступая от имени родного чувашского и всего советского народа. Интернациональный дух, чувство неизменной дружбы пронизывают его стихи о братьях по классу и труду, ко всем угнетенным и поработанным людям. Поэт говорил им правду о Советской стране, пробуждал в них веру в торжество справедливости, братства и равенства. Именно этими качествами отличаются его стихи о Поле Робсоне, Николе Вапцарове, Овидии Назоне. Рассказывая о сосланном в далекую Румынию древнем римском поэте, Хузангай выражает веру в то, что овидиевы стихи переживут гранит и мрамор.

Гробницы сильных мира,
саркофаги,
Гранит колонн, надменных
статуй строй,
Короны, скипетры, гербы
и флаги -
Все меркнет пред любой
твоей строкой...

Размышляя о жизни и смерти, Хузангай нередко думает о том, в чем смысл жизни, что оставляет каждый своему народу, чем помогает людям, т. е. постоянно имеет в виду историческую миссию поэта. Без высоких мыслей и добрых дел нет и поэзии, сколько ни прибегай к самым замысловатым ухищрениям, утверждает он.

В пору своей зрелости, когда талант его возмужал и окреп, обогатился жизненным опытом, Хузангай настоящую поэзию находил в народности, в его глубинных традициях, в том, что народ берег и хранил веками. Так, в одном из стихотворений он говорит:

«В руках кормилица-соха

В сердцах у нас отец да

мать...»

Легко за эти два стиха

Я мог бы том своих отдать!

К постижению сути подлинной народности Хузангай пришел в результате долгих творческих исканий. В этом смысле показательны «Песни Тилли», в которых поэт нарисовал яркий национальный характер чуваша со своим собственным взглядом на окружающий его мир. Каждая песня Тилли - это притча-иносказание или философское суждение о жизни и ее явлениях, высказанные по разному поводу.

Тилли всему дает свою оценку, исходя из наблюдений и неторопливых суждений. Как раз в этом и сказывается его чувашская натура: прежде чем что либо сказать или сделать, надо основательно проверить и убедиться, что дело стоящее и надежное - стоит приниматься всерьез.

Цикл стихов о Тилли, безусловно, не преследует цели показать всю полноту чувашского характера, но как и образ Аптрамана из одноименного романа, раскрывает существенные черты чуваша-труженика, помогает понять его житейские и нравственные принципы. Под конец своей жизни Тилли все больше задумывается над тем, зачем он прожил на свете, что оставляет детям и внукам. Здесь, можно сказать, и заложена основная мысль

песен: жизнь надо прожить достойно, как подобает человеку, не растратив ее по пустякам.

Самые проникновенные стихи посвятил поэт Чувашии и ее жителям, хотя немало исходил по свету. Конечно, Хузангай не мыслит свою родную республику в отрыве от великой Страны Советов, от населяющих ее народов. Но Чувашия ему ближе и родней. Эти свои чувства поэт выразил в широкоизвестных стихотворениях «Я живу в России», «Приглашение в Чувашию», «Родной язык», «Дуб над Волгой», которые по праву вошли в золотой фонд его лирики. Их отличает пронзительное чувство принадлежности и причастности к родному народу, к его языку и искусству, гордости за его и настоящие достижения. Эту веру в народ и его силы поэт пронес через все испытания. Сравнивая собственную и народную судьбу с кряжистым и широколиственным дубом на крутом волжском берегу, Хузангай имел полное право сказать:

Во мне - все от тебя:
и страсть и борьбе,
И радость, и тревог,»
и покой...

Дуб-батюшна! Я - желудь твой.

Хузангай положил немало труда, чтобы прославить свой край, а также чувашскую поэзию, чтобы шире открыть Чувашию для всего мира. Хочется привести восторженные строки Антини Фексье из далекой Австралии:

«Дорогой писатель Хузангай! Я только что читал Нашу книгу стихов. Эта книга вознесла из болота повседневной жизни на гору богов». Подобные письма поступали не только из Австралии, но и из других мест нашей планеты.

В постановлении ЦК КПСС о 60-летию образования СССР говорится, что общезначимые достижения национальных культур составной частью входят в общую интернациональную культуру всего советского народа.

Творчество Хузангая является одним из многих подтверждений этого положения.

Конечно, при подборе переводов для такого сборника, наверное, можно было выбрать лучшие, ибо некоторые них слишком далеки от оригинала. Ясно, что перевод - это буквалистское переложение на другой язык, но мысль и образность все же следует сохранить, а не придавать им другой, порой противоположный смысл.

К примеру, поэт пишет: шанат \square жам \square н \square лт \square (веро и свою звезду - И. И.), а переводчик М. Шехтер, ничуть не смущаясь, переделывает: «в звезду судьбы давно не веря». Или другой пример: «М \square жур \square п \square -ци малашне?» - тесе этемл \square хшух \square шлатыпек хай \square инчөн (человечество думает и беспокоится: - «Что нас ждет впереди?» - И. И.). Переводчик опять снижает пафос, обедняет содержание этих строк: «Зачем спешим мы в будущее, ввысь?»

Юбилейное издание стихов Хузангая могло бы обойтись и без таких промахов.

Советская Чувашия. – 1982. - 12 окт.